

Екатерина Мордвинцева

**Успокоительный сбор.
Душица для деспота**

УДК 82-3
ББК 84-4
М79

Мордвинцева Е.

М79 Успокоительный сбор. Душица для деспота / Екатерина Мордвинцева. – М.: Литнет, 2026. – 244 с.

ISBN 978-5-524-00438-3

Три миллиона семьсот тысяч. Именно столько стоил долг её мужа. Именно столько заплатил он – человек, которого бояться, человек без прошлого и без сердца.

Ирина не знала, что её муж – не просто неудачник, а должник опасных людей. Она не знала, что однажды её привезут в загородный особняк и скажут: «Расплатишься собой».

Но она не знала и того, что человек с прозвищем Ветряк окажется не таким, как она думала. Он не прикасается к ней. Он не унижает её. Он смотрит на неё так, будто она – единственное, что имеет значение.

Между ними – сделка. Между ними – страх. Между ними – душица, которая растёт у его дома и пахнет её прошлым.

Но когда её прошлое возвращается, чтобы уничтожить настоящее, Ирина делает выбор, который меняет всё.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-524-00438-3

© Литнет, 2026

© Мордвинцева Е., 2026

Пролог

Говорят, за всё в этом мире нужно платить. Но я не знала, что моя цена окажется такой низкой – и такой опьяняющей.

Первое, что я осознаю – это запах. Не тот, к которому привыкли мои ноздри за последние три года брака: перегар, дешёвый табак, сырость съёмных квартир и остывшая злоба. Нет. Этот запах другой. Дорогой. Древесина, какой-то цитрус, может быть, бергамот, и – неуловимо – мужской одеколон, который остаётся на подушке после того, кто уже ушёл.

Я не открываю глаза. Боюсь.

Потому что моя память – предательница – подкидывает обрывки вчерашнего вечера. Слишком яркие. Слишком постыдные. Слишком желанные.

Шёпот у виска. «Ты дрожишь. Перестань. Я не причиню тебе боли, если ты сама не попросишь».

Прикосновение к запястью. Пальцы – горячие, мозолистые, опасные – ведут по вене, как по струне.

Поцелуй в уголок губ. Требовательный. Голодный. Такой, от которого внутри всё переворачивается, а разум выключается, оставляя одно только тело – предательское, уставшее, соскучившееся по тому, чтобы его трогали не для того, чтобы ударить.

Я резко открываю глаза.

Потолок. Высокий. Белый. Легкая люстра из матового стекла. Не наш облезлый подвесной потолок в хрущёвке, где желтое пятно от протечки расплзается как позорное пятно. Не запах кошачьей мочи от соседей снизу.

Это не мой дом.

Я сажусь. Простыня соскальзывает, и я смотрю на себя – на ночную сорочку из шёлка цвета слоновой кости. На мне нет ни царапины. Ни синяка. Ни следа вчерашней пощёчины от Дениса за то, что я «не так» подавала ужин.

Шёлк. На мне. Шёлк.

В моей прежней жизни даже колготки были с затяжками, потому что Денис считал, что «бабе много не надо».

Оглядываюсь. Комната – огромная. Метров тридцать, не меньше. Высокие окна от пола до потолка, за ними – зелень. Сад. Настоящий сад, не чахлые тополя под окном. Мебель тёмного дерева, тяжёлая, добротная, без намёка на безвкусицу. Туалетный столик с резными ножками. На нём – пузырьки с духами, расчёска из черепахового панциря, книга (Фаулз, «Коллекционер»).

Чья-то спальня. Чья-то чужая, дорогая, пахнущая деньгами и властью спальня.

И я в ней. В шёлковой сорочке. С живым, небитым телом.

Поворачиваю голову на подушку – и чувствую, как что-то кольнуло щёку. Веточка.

Сухая, хрупкая, с мелкими серо-зелёными листочками. Душица. Я узнала бы её среди тысячи – бабушка сушила такие пучки на чердаке, а потом добавляла в чай, говорила: «Это от всех болезней, Иришка. И от телесных, и от душевных».

На тумбочке – записка.

Бумага плотная, с золотым тиснением, как у приглашений на свадьбу, на которые я когда-то работала дизайнером. Почерк мужской, резкий, с нажимом, будто буквы вырезали ножом: «Ты свободна. Но останься»

Ни подписи. Ни угроз. Ни обещаний.

Я сжимаю веточку в кулаке, и сухие листья крошатся в ладони, оставляя пряный, горьковатый запах. Запах детства. Запах безопасности, которую я потеряла так давно, что уже и не помню, какой она была.

И память прорывает плотину.

Всё началось не с треска выбитой двери и не с мордобоя. Всё началось с квитанции.

Обычной квитанции об оплате интернета, которую я нашла в кармане джинсов Дениса, когда загружала стирку.

Знаете, есть такой момент в отношениях с алкоголиком, когда ты перестаёшь искать в его вещах чужие трусы или губную помаду. Ты ищешь бумажки. Всегда бумажки. Потому что бумажки не врут: они расскажут, сколько он проиграл вчера в подвальной казинохе, сколько занял у «надёжных людей», сколько задолжал за героин, которого, клянётся, «в последний раз, Ира, честно, это просто усталость, надо расслабиться».

Денис клялся часто. И красиво. У него был талант – врать с выражением истинного страдания на лице, так что я верила ему целых три года.

Три года. Я могла бы окончить курсы переквалификации, найти нормальную работу, сбежать в другой город, сменить фамилию, начать жизнь заново.

Но я не сделала ни-че-го.

Потому что в каждом его «прости» была надежда. Потому что я помнила того Дениса, с которым познакомилась на четвёртом курсе архитектурного. Он носил меня на руках по ночной набережной, обещал, что мы откроем своё бюро, рисовал эскизы нашего будущего дома на салфетках в кофейнях. Он был весёлым. Живым. Любящим.

А потом его уволили. А потом умерла мама. А потом он нашёл «лёгкий способ снять стресс».

И я осталась. Потому что клялась у алтаря «в горе и в радости». Потому что мама говорила: «Терпи, дочка, баба должна быть терпеливой». Потому что боялась, что если уйду, то подтвержу все его слова: «Ты ни на что не годна, Ирка, кто тебя такую возьмёт?».

Он бил меня ровно семь раз. Я считала. Семь раз, когда кулак летел в лицо, а не в стену. Семь раз, когда я накладывала тональный крем на синяк и улыбалась кассирше в супермаркете. Семь раз, когда я говорила себе: «Завтра уйду».

Но не уходила. Куда? Родителей нет. Подруг не осталось – они отвернулись, устав от моих жалоб и моей же нерешительности. Денег нет – Денис выгребал всё до копейки, даже мелочь из моей

копилки, которую я хранила со школы. Работы нет – после увольнения из бюро (я прогуливала из-за его запоев) меня никуда не брали без опыта.

Замкнутый круг. Клетка. Ад, выкрашенный в цвета бытовой ссоры. И в этот ад постучались.

Это было во вторник. Денис ушёл с утра – «по делам», то есть в очередной притон. Я осталась в нашей однокомнатной конуре, перебирала старые эскизы, плакала в подушку и заклеивала трещину на кружке, которую подарила мне бабушка. На кружке был нарисован пучок душицы и надпись: «Будь сильной».

Я клеила трещину уже в четвёртый раз.

В дверь постучали. Не позвонили – именно постучали, тяжело, размеренно, как в гробовую доску.

Я не открыла. У нас часто стучали: соседи по поводу потопа, коллекторы с угрозами, пьяные дружки Дениса, которые путали квартиры.

Постучали снова. Громче.

– Открывай, красавица. Разговор есть.

Голос – низкий, равнодушный. Не пьяный. Не злой. Страшный именно своей обыденностью, будто человек каждый день ломает чужие двери и привык, что их открывают.

Я подошла. Замерла перед дверью, глядя в глазок.

В коридоре стояли двое. Огромные. Стриженные. В чёрных куртках без опознавательных знаков. У одного на скуле шрам – белый, старый, как вторая улыбка.

– Ирина? – спросил тот, что со шрамом, глядя прямо в глазок. – Нам сказали, ты здесь живёшь. Мужик твой, Денис, задолжал. Мы по-хорошему, ты открывай, не ломай.

И я открыла. Глупо, да? Но когда за тобой три года бытового насилия, ты перестаёшь бояться больших мужчин. Ты боишься только одного – что они причинят боль не тебе, а тому единственному, кого ты ещё пытаешься любить.

– Дениса нет, – сказала я. Голос не дрожал. Я научилась не дрожать.

– Знаем. Мы к тебе.

Они вошли, не спрашивая разрешения. Вдвоём заполнили всю прихожую. Оглядели квартиру с таким видом, будто пришли на экскурсию в музей ужасов.

– И где твой благоверный проигрывается? – спросил второй, тот, что помоложе, с цепью на шее и противно-сладким одеколоном.

– Я не знаю.

– Врёшь.

– Не вру. Он не рассказывает.

Шрам сел на единственный целый стул (второй сломал Денис в прошлую пьянку), достал телефон, показал мне какую-то таблицу.

– Ваш Денис Сергеевич должен нашему хозяину три миллиона рублей. Плюс проценты – ещё семьсот тысяч. Срок вышел вчера. У него есть неделя, чтобы вернуть тело. Если не вернёт – мы будем забирать частями. Сначала у него, потом у тебя. Поняла?

Я смотрела на цифры. Три миллиона. Для меня, которая считала копейки до зарплаты, это было число с другого измерения.

– У нас нет таких денег, – сказала я. – Вы ошиблись.

– Ошиблись? – Шрам усмехнулся, и шрам на его лице изогнулся как полумесяц. – Твой муженёк пришёл к нам сам. Занял на «верняк», проиграл всё до нитки, потом занял ещё, чтобы отыграться. Классика. А теперь прячется. Но мы найдём. И ты нам поможешь.

– Чем?

– Когда появится – позвонишь. Вот номер.

Он бросил на пол визитку. Чёрную, с золотым тиснением. Ни имени. Ни должности. Только номер телефона и одно слово: «ВЕТРЯК».

Я подняла визитку. Бумага была дорогой, плотной, с шероховатой фактурой.

– А если не позвоню?

Шрам встал, поправил куртку, подошёл ко мне вплотную. Я чувствовала запах кожи, пота и металла – пистолет? Нож? Я не знала.

– Тогда твой муж умрёт. А ты... – он провёл пальцем по моей щеке, и я не отпрянула, потому что привыкла к прикосновениям, от которых хочется вымыться с хлоркой, – а ты, красавица, поедешь с нами. Наш хозяин любит, когда долги возвращают натурой.

Они ушли так же тихо, как пришли. Оставили после себя запах чужого табака и визитку на полу.

Я стояла посреди комнаты, сжимая в руке кружку с душицей, и смотрела на трещину.

«Будь сильной».

Я не была сильной. Я была трусихой, которая три года терпела побои и унижения, потому что боялась одиночества.

Но сейчас одиночество было не самым страшным. Самым страшным был тот, кто подписался «Ветряк».

Денис вернулся через два дня. Пьяный, весёлый, с разбитой губой и новым «гениальным планом».

– Ирка, ты не представляешь! Я вчера почти отыгрался! Ещё немного – и мы заживём!

Я молча положила перед ним визитку.

Он побледнел. В один миг протрезвел. Пальцы, которыми он тянулся к бутылке, задрожали.

– Откуда... когда они приходили?

– В тот день, как ты ушёл. Сказали, ты должен три миллиона семьсот тысяч. С процентами.

– Это не мои деньги, – залепетал он. – Это залог, понимаешь? Я хотел как лучше! Хотел купить тебе шубу, съездить на море, начать новую жизнь! Я же для тебя, Ирка!

Для меня. Он всегда играл эту карту. «Я для тебя пью, потому что ты меня не понимаешь». «Я для тебя проигрываю деньги, потому что хочу разбогатеть». «Я для тебя бью, потому что ты доводишь».

- Что теперь будет? – спросила я.
- Ничего. Я уеду. Спрячусь. Они меня не найдут.
- А я?

Он посмотрел на меня. В его глазах мелькнуло что-то, что я приняла за раскаяние. Но это была не жалость ко мне. Это была жалость к себе.

– Ты... ты справишься, Ир. Ты сильная. А я слабый, мне надо помочь.

Я сильная. Опять эта фраза. Всегда «сильная», когда речь идёт о том, чтобы вывозить его дерьмо в одиночку.

- А если они придут за мной?
- Не придут. Ты же женщина, что они тебе сделают? Поговорят и уйдут.

Я закрыла глаза. Внутри что-то оборвалось. Не любовь – любовь умерла год назад, когда он впервые ударил. Не надежда – надежда испарилась месяцами ранее. Оборвалась последняя ниточка, которая держала меня в этом браке.

Мысль пришла внезапно, холодная и ясная: «А что, если они придут? Что, если я уйду с ними? Хуже, чем здесь, уже не будет».

Это была опасная мысль. Я прогнала её.

Денис собрал рюкзак (мой рюкзак, между прочим, который я купила на последние деньги), взял все наличные (даже те, что я спрятала в банке с крупой), и ушёл, даже не поцеловав на прощание.

Я осталась одна. В пустой, грязной квартире. С визиткой на столе и кружкой с душицей в руке.

Четыре дня я ждала.

Ждала, когда позвонят. Ждала, когда придут. Ждала, когда моя жизнь наконец изменится – в любую сторону, даже если эта сторона – дно.

На пятый день я взяла телефон и набрала номер с визитки.

– Алло, – сказал голос. Не шрам, другой. Моложе. Вежливый даже. – Вы к кому?

– Я Ирина, жена Дениса. Он сбежал. Я не знаю, где он. Но я хочу... – я запнулась, потому что сама не знала, чего хочу, – я хочу поговорить с вашим хозяином.

Пауза. Короткая, но весомая.

– Ждите. За вами приедут.

Через час у подъезда стоял чёрный джип. Неброский, дорогой, с тонированными стёклами. Из него вышел тот самый молодой парень с цепью, но без цепочки – в простой чёрной футболке.

– Ирина? – он улыбнулся, но глаза остались холодными. – Поехали. Хозяин ждёт.

Я надела единственное приличное платье (синее, в цветочек, когда-то красивое, а теперь застиранное и мятое), сунула в карман веточку душицы (на удачу) и вышла.

Соседка тётя Зина выглянула из-за двери, покачала головой: «Подделом тебе, Ирка, с таким жила, сама виновата».

Я не ответила. Потому что она была права. Я была виновата. Виновата перед собой.

Но, может быть, сегодня я начну искупать вину.

Джип ехал долго. Сначала по центру, потом по набережной, потом в частный сектор, где дома были похожи на маленькие дворцы. Я смотрела на особняки, на ухоженные газоны, на дорогие машины, и чувствовала себя грязной, нищей, чужой.

Мы остановились у высоких кованых ворот. Охранник посмотрел на номер машины, кивнул, и ворота открылись.

Дом был огромным. Трёхэтажный, из светлого камня, с колоннами и террасами. Вокруг – сад, старый, разросшийся, с яблонями и кустами сирени.

– Выходи, – сказал парень.

Я вышла. Ноги дрожали. Платье облепило спину от волнения.